

Прошное Лазурии было для нее глубокой раной. Она хранила это горе в сердце многие годы. И сейчас, когда она все вспомнила, ее сознание помутилось. К тому же, из-за отсутствия еды она ослабла, и потому упала в обморок.

Дан Сайон, увидев, что она по-прежнему крепко держит его, горько улыбнулся. Совсем недавно он был больным, который только что вернулся с того света. И вдруг, неожиданно Лазурия сама стала беспомощной от болезни.

Через некоторое время Дан Сайон захотел спать, но он заставил себя проснуться, потому что Лазурия все еще держала его руку. Дан Сайон не мог оставить ее, ее лицо было таким печальным, в нем отражалось столько боли...

Но сидеть в таком положении было непросто. Он висел на платформе, одна нога была на земле, другая в воздухе, его спина все время опускалась, но он выпрямлял ее, к тому же, ему самому не было на что опереться. Очень скоро его тело затекло, особенно плечо, в которое вцепилась Лазурия. У нее были сильные пальцы, и несмотря на то, что она спала, сила это все равно давала о себе знать. Плечо начало болеть. Но Дан Сайон был очень вынослив и терпел боль. Если бы на его месте был кто-то другой, он бы уже давно отскочил прочь.

Но даже так, переносить страдания было непросто. Дан Сайон тихонько пожаловался в душе. Но он не оставил ее, все равно. Со временем, усталость свалила его, и он начал засыпать, несмотря на боль и онемение в теле.

□□□

«Ах...»

Дан Сайон проснулся и выпрямился, затем ощутил, что у него болит все тело. Когда он выдохнул, то понял, что сам лежит на платформе, а Лазурия куда-то исчезла.

Он очень удивился, затем поднялся и огляделся, но не увидел Лазурии. Пещера была пуста и безмолвна. Сердце Дан Сайона похолодело. Он словно остался один в каменной могиле. Он нахмурился и отправился на поиски Лазурии.

Он искал в комнате Либруса, и в комнате с грудой мусора, но там ее не оказалось. Дан Сайон немного подумал, затем вышел. И вскоре он обнаружил ее в каменной комнате с двумя статуями богов Малеуса.

Перед этими разными статуями Лазурия стояла на коленях. Ее плечи сотрясались, и хотя она пыталась сдержать слезы, она все равно всхлипывала.

Она плакала.

Дан Сайон замер, он никак не ожидал, что эта девушка, обычно такая противная и гордая, будет тихонько рыдать перед статуями. Он опустил глаза в пол, не зная, что сказать. Но потом он подошел к ней и неуверенно произнес: «Ты... эм... ты... что с тобой такое.... да перестань же ты плакать!»

Если бы он тихо стоял там, было бы лучше. Но когда она услышала его слова, грусть, которую она пыталась сдержать, вырвалась наружу. Ее голос стал громче, всхлипывания участились. Слезы покрыли все ее лицо.

Дан Сайон замер в растерянности. Но он еще был молод, как он мог понять девушку... Он вдруг почувствовал вину, словно это он заставил ее плакать, и даже его голос задрожал: «Ты, ты, ты... не надо так, так... Я, я... нет, ты... нет, я имею ввиду, что я совсем не то...»

Лазурия посмотрела на Дан Сайона сквозь слезы. Она помотала головой, но горечь была непереносимой. Слезы, которые она сдерживала десять лет, сейчас лились ручьем.

«Это я, это я убила ее!» Девушка, которую поглотило прошлое, крикнула сорвавшимся голосом.

Дан Сайон немедленно потряс головой. Когда он смотрел на эту слабую и одинокую фигуру, он словно видел самого себя много лет назад, слабого и одинокого. «Нет». Он шагнул вперед, и тихо сказал ей: «Твоя мама заботилась о тебе больше всего на свете. Тогда ты была еще маленькая, и ничего не понимала, как ты могла причинить кому-то вред?»

Лазурия вздрогнула снова. «Но, нно... папа всегда ненавидел меня... Я знаю, он хотел моей смерти, он винил меня в смерти мамы!»

Дан Сайон снова тихо сказал: «Нет, не выдумывай. Он не винил тебя, он ведь пришел спасти тебя, и все эти годы, он воспитывал тебя и любил».

Лазурия стала еще бледнее, ее тело содрогнулось. Со стороны Дан Сайона она выглядела как цветок под дождем, эта грусть была такой знакомой...

Лазурия подняла голову. Дан Сайон не смог смотреть ей прямо в глаза. Он отвел взгляд.

Через некоторое время.

Она вдруг сказала тихонько: «Ты очень хороший».

В глубине души сердце Дан Сайона подпрыгнуло, но он заставил себя быть спокойным. Он улыбнулся: «Нет, просто мы скоро погибнем, и я не хотел, чтобы перед смертью ты страдала. Это пустяки».

Лазурия перестала плакать и вытерла слезы с глаз. Затем она вздохнула: «Да, мы умрем здесь вместе».

Дан Сайон замер. В его памяти поднялось множество сцен из прошлого. Он словно вдруг вернулся на гору Айне, на Пик Большого Бамбука. Он тихо сказал: «Жаль, что так получилось».

Лазурия услышала это, ее лицо потемнело. «Хмм, в моем клане многие хотели бы оказаться на твоём месте, но ты, я вижу, не очень-то ценишь такую возможность!»

Дан Сайон хотел запротестовать, но когда он посмотрел на Лазурию, гнев исчез. Он вздохнул, качая головой. «Может быть. Но если бы я был похоронен на Пике Большого Бамбука, я бы ни о чем не жалел».

Лицо Лазурии потемнело снова, она посмотрела на него пристально. Потом вдруг сказала, после минутного молчания: «Ты это говоришь из-за твоей сестры Лин Эр, да?»

Дан Сайон подпрыгнул, тыча пальцем в Лазурию, и удивленно спросил: «Как... как ты... узнала?»

Лазурия отвернулась и произнесла: «Ты сам сказал это, когда бредил во сне во время болезни».

Дан Сайон замер. И когда он собирался гневно высказаться на этот счет, он вспомнил, что скоро умрет. И больше никогда не увидит Лин Эр, даже если он станет призраком после смерти, он все равно не увидит Пик Большого Бамбука!

Но... вспомнит ли она обо мне?

Когда он подумал об этом, его сердце опустело. Он вздохнул и поднялся на ноги, затем развернулся и пошел прочь из каменной комнаты. Лазурия осталась там, глядя ему в спину.

Когда она развернулась обратно к статуям, она поклонилась им. «Богиня, Мать, молю тебя, защити его. Владыка Видьяраджа, используй всю свою мощь, помоги...»

Она вдруг остановилась. Она лежала на земле, без движения. Вокруг было тихо. Но в ее голове звучал океан, и лучи солнца освещали волны. Это было лишь видение, но она старалась поймать его, запомнить его.

Она медленно подняла голову и посмотрела на Небесного Видьяраджу снова. Вдруг в ее голове пронеслась мысль – «Что-то не так, эта статуя... ей чего-то не достает...»

Она снова осмотрела статую и задержала дыхание. Наконец, ее взгляд остановился на одной из правых рук статуи. Она была пуста.

Лазурия вскочила и радостно закричала: «Топор Генезиса, да? Где же он, этот проклятый топор!»

По легенде Малеуса, Мать Преисподней была богиней, покровительницей жизни. А Небесный Видьяраджа был тайным богом, который создал мир и отвечал за правосудие, эта легенда отличалась от мифа о Паньгу. Видьяраджа совершал суд Топором Генезиса, поэтому здесь должен был быть топор, рядом с его статуей. Но правая рука статуи была пуста. Лазурия знала, что в Малеусе Видьяраджа был одним из главных богов, никто бы не посмел оскорбить его подобным образом. Тот, кто построил эту Пещеру, был из клана Малеуса. Значит, Топор был. Но по какой-то причине он пропал.

Дан Сайон вернулся в пещеру из известняка и тихо сел на платформу. Когда он подумал о Пике Бамбука, Лазурия вбежала в пещеру с радостью на лице. Увидев его здесь, она позвала: «Если хочешь жить, быстро идем со мной!»

«Что?» Дан Сайон застыл в неверии. Но Лазурия проскользнула мимо в комнату с хламом, словно ветер. Он секунду колебался, затем последовал за ней. В нем загорелась надежда. Он слышал, как Лазурия захлопала в ладоши. Она пыталась вытащить из комнаты огромный топор, который валялся в куче мусора. Она нахмурилась и закусила губу, топор наверняка был очень тяжелый.

Дан Сайон подбежал к ней и помог тащить Топор. Он и правда был тяжелым. Даже вдвоем они с трудом несли его по туннелю, Дан Сайон спросил: «Что ты делаешь?»

Лазурия ничего толком не ответила, только сказала: «Если хочешь жить, помоги мне принести топор в комнату со статуями».

Дан Сайон удивленно вздохнул и снова спросил: «Что ты собралась делать?»

Лазурия ничего не ответила, она просто продолжала нести топор. Через несколько шагов она устала, дыхание стало тяжелым. Дан Сайон встряхнул головой, вздохнул, но все равно помогал ей нести. Вместе, с огромными усилиями, они в итоге притащили топор в каменную комнату со статуями. Дан Сайон закатил глаза, бессильно глядя на то, как Лазурия пытается водрузить эту штуковину в ладонь статуи злобного божества.

Он скептически отнесся к ее попыткам. Когда он понял, что от него требуется сделать что-то для божества Малеуса, он потерял всяческое желание этим заниматься. Но Лазурия была еще упрямее. И он не мог долго смотреть, как она в одиночку старается, его сердце смягчилось, и Дан Сайон подумал, что ничего плохого в том, что он просто исполнит ее желание перед смертью. Он подошел к ней и помог водрузить топор на статую.

Топор был просто огромным, и поднять его было практически невозможно. Кроме того, они давно ничего не ели. Но в итоге им удалось выполнить это сложное задание и водрузить топор в правую руку Небесного Видьяраджи. Затем Дан Сайон уселся на землю, тяжело дыша. «Ты... *вздых*, ты, если мы не отыщем выход, *вздых*..., хотя раньше мы могли бы прожить еще пару-тройку дней, теперь мы протянем всего несколько часов».

Лазурия тоже тяжело дышала, но в ее глазах светилось нескрываемое волнение. После передышки она вернулась к статуе и осмотрела ее снова. После того, как в руке Видьяраджи оказался топор, он стал выглядеть гораздо более устрашающим. Затем она уважительно поклонилась божеству и сказала: «Владыка Видьяраджа, прости твою ученицу!»

Затем она схватилась за топор и несколько раз его повернула. Ничего не произошло. Топор уже был помещен в руку статуи, и если бы что-то должно было произойти, это бы уже произошло. Дан Сайон сидел на земле, глядя на странные действия Лазурии и качал головой.

Лазурия нахмурилась и пробормотала: «В чем дело... он должен быть здесь...»

Она очень волновалась, поэтому сильнее надавила на топор, и вместе с топором рука Небесного Видьяраджи тоже шевельнулась. Неожиданно, пещеру заполнил оглушительный грохот.

Дан Сайон вскочил на ноги. Лазурия засияла радостью, они посмотрели друг на друга. Дан Сайон подбежал к Лазурии и помог ей снова поднять топор. Рука Небесного Видьяраджи снова поднялась. Через секунду они чуть не оглохли от грохота в пещере.

Они были поражены, словно где-то рядом грохотал гром, они сразу же закрыли уши. Через секунду, когда звон в ушах еще не утих, прямо за статуями, огромная твердая стена разъехалась в стороны, и показалась тропа. Там была каменная лестница, ведущая наверх, в неизвестную темноту.

Затем каменная комната опасно содрогнулась. Камни начали падать повсюду. Они не стали больше задерживаться и вместе вбежали на каменную лестницу, погрузившись в темноту.

На самом деле, восемьсот лет назад, когда Кровавый клан строил Пещеру Кровавых Брызг, архитекторы подумали, что в случае нападения врагов им пригодится запасной секретный выход прямо через гору. Таким образом, если нападут враги, ученики клана могли скрыться, а через секунду Пещера должна была обрушиться, похоронить врагов и бесчисленные секреты Кровавого клана.

Дан Сайон и Лазурия бежали так быстро, как только могли. Позади все время что-то гремело, падали камни, рушились стены. Если бы они бежали чуть медленнее, то уже погибли бы. Им

пришлось приложить все свои последние усилия и бежать вперед. Впереди была только темнота. И на этой узкой тайной тропе они уже не могли сосчитать, сколько раз они спотыкались и ударялись о стену, падали и поднимались снова. Они только слышали громкий звук падающих камней и скрежета в скале. Словно вся гора Кунсан гневалась на них. Но их жажда жизни была очень сильна. И вскоре впереди они увидели луч света.

Выход из секретного туннеля располагался на западном склоне горы, здесь повсюду росли деревья, и людей здесь уж точно не было, ничего удивительного, что за восемьсот лет его никто не обнаружил. На самом деле, даже Кровавый клан не знал ничего об этом месте.

Дан Сайон и Лазурия поспешно выбежали наружу, и сразу после того, как они приземлились на землю, после громкого «бум!» тысячи фунтов камней упали, подняв в воздух облако пыли и песка, и заблокировали выход. С этой секунды больше никто не мог войти туда и узнать секрет этой горы.

Дан Сайон тяжело дышал, лежа на земле. Его рука сжимала зеленую, мокрую от росы траву. Эта погоня за собственной жизнью из рушащегося туннеля сбила его дыхание. Но через некоторое время он постепенно пришел в себя. Он поднял голову и посмотрел на Лазурию, которая лежала рядом с ним. На ее бледном лице был слой пыли, и она, словно почувствовав взгляд Дан Сайона, тоже повернулась к нему.

На их лицах медленно отразилось ощущение счастья от побега из каменной ловушки. Губы Лазурии дрогнули, из ее глаз скатилась кристально чистая слеза. Она всхлипнула от счастья. Это чувство спасения свалилось на них как снег на голову, и они не могли думать больше ни о чем. Они лишь осознавали, что небо такое синее, а горы такие высокие... Дуновение ветра, зеленая трава, деревья, весь мир был одним большим прекрасным пейзажем.

«Мы... мы живы!» Лазурия выкрикнула эти слова в небо.

Дан Сайон громко рассмеялся, лежа на земле. Он смотрел на Лазурию, которая распахнула объятия и улыбнулась всему миру.

С тихим треском костер проглатывал дрова, поднимая в воздух клубы мягкого дыма. Лазурия сидела напротив, глядя, как Дан Сайон снимает шкуру с кролика, которого он только что поймал, и готовит его на костре, проткнув тельце тонкой веткой. Костер превратил мясо из красного в золотистое, жир превращался в капли и стекал в костер.

По лесу распространился аромат свежееизжаренной пищи. Лазурия не могла спокойно сидеть на месте, она все время ходила туда-сюда, поскольку была очень голодна. Но Дан Сайон не торопился. Он осмотрелся, запустил руку в карман, секунду подумал, затем радостно улыбнулся.

Лазурия спросила: «Что?»

Дан Сайон радостно достал из кармана небольшой мешочек и улыбнулся. «Не могу поверить, что еда потерялась, а это осталось! Я даже не заметил...»

Лазурия посмотрела на маленькую сумочку. Дан Сайон аккуратно ее открыл, затем достал несколько маленьких бутылков. Она с интересом взяла каждый из них и понюхала. Затем она замерла, посмотрела на Дан Сайон и смогла проговорить только: «Это... это же соль и перец!».

Дан Сайон улыбнулся и сказал: «Да, я взял это с собой, когда покинул Айне. Я подумал, что если нам придется готовить самим, то соль и перец пригодятся. Я даже не думал, что сегодня

они могут понадобится!»

Лазурия оглядела Дан Сайона с ног до головы, она не могла ничего сказать. Он посолил и приправил специями кролика, затем аккуратно перевернул его над костром. Аромат жареного мяса стал ощутимее. Лазурия никогда не видела, чтобы Воин Света носил с собой специи! Дан Сайон скорее больше походил на повара, чем на ученика известного клана.

Через минуту Дан Сайон попробовал кролика и радостно объявил: «Ну вот, можешь поесть».

Лазурия уже устала ждать, аромат мяса словно проник в ее мозг. И если бы она плохо контролировала себя, Дан Сайон услышал бы урчание ее желудка.

И когда она услышала, что Дан Сайон приготовил еду, она больше не могла держаться. Она неосторожно дотронулась до жареного кролика, но тут же отдернула руку и вскрикнула. Обожглась!

Дан Сайон вздохнул. «Не торопись». Он снял кролика с огня, подождал, пока стечет жир, и когда кролик немного остынет, потом он осторожно оторвал от кролика ногу и передал ее Лазурии. «Вот».

Лазурия сразу же протянула руку и взяла кролика. И когда она уже открыла рот, она заметила, что Дан Сайон улыбается, солнце просвечивает сквозь листья и его лучи падают на лицо Дан Сайона.

Она вдруг покраснела и повернулась спиной к нему, только потом начала есть. Дан Сайон замер, но не придавал особого значения. Он тоже был голоден, поэтому просто оторвал от кролика другую ногу и занялся ею.

Пока он, наконец, ел, он вдруг заметил, что Лазурия повернулась и смотрит на него. Он спросил: «Ну как, вкусно, правда?»

Лазурия вдруг покраснела, мягкий ветерок шевельнул ее волосы, они коснулись ее лица.

«Очень вкусно. А...»

Дан Сайон спросил: «Что?»

Лазурия залилась краской: «Я уже съела...»

Ее лицо было нежным и смущенным. Дан Сайон открыл рот от неожиданности.

Лазурия опустила голову, они ба вдруг замолчали. Через секунду Дан Сайон опомнился.

Он как будто онемел, язык перестал его слушаться: «Я... я не заметил, ну... ты видишь... я... мм... вот...»

Затем он закрыл глаза и отдал ей ногу от кролика, которую ел сам. Но чтобы открыть глаза, смелости не хватило.

Но по прошествии долгого времени Лазурия не шевельнулась. Дан Сайон медленно открыл глаза, она смотрела на него, и вроде бы улыбалась. Ее глаза были мягкими. Она нежно и дружелюбно сказала, слегка улыбаясь: «Ты отдаешь мне вот это?»

Дан Сайон ничего не понял и взглянул на свою руку, после чего сразу же покраснел. В его

правой руке была полу обглоданная кость, а остальной кролик был в левой руке.

«Нет, что ты... нет» Дан Сайон очень смутился, он быстро передал ей кролика в левой руке, и пробормотал: «Я просто... просто...»

«Я поняла», Лазурия взяла кролика, затем оторвала от него кусочек мяса и, пережевывая, произнесла: «Очень вкусно. Это самое вкусное, что я когда-либо ела, никогда не пробовала ничего подобного».

Сердце Дан Сайона так и подпрыгнуло. Благодарное лицо Лазурии светилось радостью, она улыбалась. Он не стал больше смотреть на нее, и принялся доедать ногу от кролика, которая осталась у него.

Два голодных человека в мгновение ока расправились с кроликом. Это было настоящее счастье – поесть впервые с тех пор, как они попали в пещеру. Лазурия нашла неподалеку источник и они умылись. После они сразу же почувствовали жуткую усталость. В пещере они испытали ужасный стресс, и сейчас, когда им все же удалось избежать смерти, они наконец расслабились, и усталость накатила на них как волна.

Лазурия первая упала на траву рядом с источником и уснула. Дан Сайон тоже чувствовал усталость, и лег неподалеку. Солнце мягко освещало их. Дан Сайон повернулся и посмотрел на Лазурию. Ее волосы были немного растрепаны, но ее лицо снова стало белоснежным и прекрасным. Она закрыла глаза и спокойно дышала. Ветерок мягко шевелил ее волосы, и при свете солнца они мягко сияли.

Лазурия вдруг пошевелилась, словно что-то приснилось ей, она приподняла брови и с улыбкой проговорила: «Дан Сайон». На ее губах мелькнула улыбка.

Дан Сайон замер, но глядя на ее прекрасное лицо он просто смотрел на нее, не говоря ни слова. Скоро и он провалился в сон, закрыв глаза, он забыл обо всем.

Ветер шумел в деревьях, ветви мягко шевелились, трава была словно морские волны, рядом шелестел родник, по которому пошла мягкая рябь. Двое молодых людей мирно спали под солнцем.